

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXIX
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
МОНГОЛИСТИКА. СИНОЛОГИЯ. БУДДОЛОГИЯ

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

М. Ф. Чигринский

**«ЮАНЬ-ЧАО МИ-ШИ»
И ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ ТЕКСТА
И ПЕРЕВОДА ЭТОГО ПАМЯТНИКА
(Рецензия Б. И. Панкратова
на «Сокровенное сказание» С. А. Козина)**

В настоящее время по «Юань-чао би-ши» («Секретная история монголов»)* имеется солидная литература (см. [14] и [15]). Тем не менее история издания академиком С. А. Козиным «Сокровенного сказания» и рецензия на его труд Б. И. Панкратова представляют определенный интерес. Появление этих двух полярных по подходу к исследованию работ следует рассматривать в связи с ситуацией, сложившейся в советском востоковедении 30—40-х гг.

К сожалению, Б. И. Панкратову не удалось выпустить в свет ни своего перевода «Юань-чао би-ши», сделанного в 1921—1922 гг. в Китае, ни рецензии на «Сокровенное сказание». Только благодаря стараниям тех, кому не безразлична память о нем, читатель сможет познакомиться с указанными произведениями. Т. о. не только воздастся дань патриарху советского востоковедения, столетие со дня рождения которого исполнилось в 1992 г., но специалисты получают возможность познакомиться с лабораторией блестящего ориенталиста.

С. А. Козин и Б. И. Панкратов долгое время не знали, что занимаются одним и тем же памятником. Впервые С. А. Козина проинформировали об этом 23/IX 1935 г. 24/IX С. А. Козин сообщил академику В. М. Алексееву: «Вчера же узнал, что Б. И. Панкратов (Пекинский?) проделал или собирался проделать над ЮЧМШ ту же работу, что и я. Что же? Тем лучше (если не хуже)» [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 124, л. 18]. Поэтому заявление С. А. Козина В. М. Алексееву в мае 1941 г. о том, что он очень поздно узнал о работе Б. И. Панкратова «и непременно упомянет его имя в числе ученых, трудившихся и трудящихся над этим памятником, чего я не успел сделать в вводной части к первому тому» [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 421, л. 85], диссонирует с предыдущим высказыванием.

По договору С. А. Козина с Монгольским кабинетом ЛО ИВ АН, он должен был сдать рукопись своего труда в феврале 1937 г. С. А. Козин предъявил ее досрочно — 9/IV 1936 г. В. М. Алексеев дал отзыв на «Сокровенное сказание» как китаист.

Назначенное на 29/IX 1936 г. обсуждение «Сокровенного сказания» заняло два заседания, что свидетельствовало об остроте дискуссии. Почти все монголисты критиковали работу, а В. М. Алексеев, присутствовавший на первом заседании, ее защищал. На второе заседание В. М. Алексеев прислал через Н. Н. Поппе свой отзыв [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 124, лл. 74—75]. Основное расхождение между С. А. Козиным и его оппонентами заключалось в оценке «Сокровенного сказания». С. А. Козин считал свой перевод научно-филологическим, а его коллеги — «вольным, художественно обработанным» [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 647, л. 1].

---

* О произношении этого названия и о его происхождении см. выше, с. 37, 41.

Отсюда и их требования, обстоятельно сформулированные в официальных документах и лаконично — в письме Н. Н. Поппе В. М. Алексееву от 1/X 1936 г.

Выражая согласие кабинета с положительной оценкой В. М. Алексеева, Н. Н. Поппе вместе с тем указал на ряд недочетов работы. Во-первых, восстановленный текст не везде соответствовал исторической фонетике, не соблюдалась гармония гласных. Во-вторых, было много ошибок в переводе. Выступавшие предложили: «Омонголить еще больше фонетику, заключить договор на транскрипцию, дать не интерпретированную транскрипцию, а буквальную транслитерацию иероглифов, заключить договор на филологический перевод, а этот печатать как вольную переработку последнего». Т. о. С. А. Козин должен был заключить два договора и доработать представленный текст [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 647, л. 2]. С. А. Козину рекомендовалось консультироваться у В. М. Алексеева и Б. И. Панкратова (по транскрипции) и Ц. Ж. Жамцарано (по переводу). С. А. Козин согласился с большинством замечаний и заявил, что «рассматривает свой труд как работу целого коллектива и заранее предполагает, что один ее выполнить не может» [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 124, л. 39; АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 40]. К сожалению, деловая дискуссия имела далеко не научную концовку. В протоколе обсуждения «Сокровенного сказания» не упоминалось ни об отзыве В. М. Алексеева, ни о его присутствии на первом заседании. Секретарь кабинета В. А. Казакевич предъявил С. А. Козину переработанную копию протокола через три месяца. Согласно новой редакции, С. А. Козин должен был обсуждать все вносимые им поправки на заседании кабинета. Данную процедуру он счел оскорбительной, а потому невозможной. 11/II 1937 г. С. А. Козин обратился с соответствующим заявлением к директору института А. К. Самойловичу. В. М. Алексеев поддержал С. А. Козина, и администрация разрешила печатать «Сокровенное сказание» [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 421, л. 48]. Однако, по словам С. А. Козина, в период директорства А. К. Самойловича работу из-за противодействия Б. И. Панкратова и некоторых сотрудников Монгольского кабинета издать не удалось. Только после ареста А. К. Самойловича и ряда монголистов в 1937—1938 гг., а также перевода Б. И. Панкратова на договорную работу создались, по мнению А. С. Козина, условия для опубликования «Сокровенного сказания».

Однако, пока готовилось к изданию «Сокровенное сказание» (т. I), Э. Хэниш выпустил в 1937 г. свое исследование по «Секретной истории монголов», вызвавшее ряд замечаний Н. Н. Поппе [17]. Опубликованный Э. Хэнишем в 1939 г. словарь монгольского языка памятника [18] подвергся настоящей резкой критике П. Пеллио, что эту работу, по мнению В. М. Алексеева, нельзя было считать завершенной. Поэтому «Сокровенному сказанию» С. А. Козина отдавался явный приоритет¹.

Из этого прежде всего исходили рецензенты — Н. Н. Поппе, В. Л. Котвич, В. М. Алексеев. Они дали самые положительные отзывы на «Сокровенное сказание»². Т. о. на майской дискуссии 1941 г. Б. И. Панкратов выступил фактически

---

¹ В это время С. А. Козин работал над II томом «Сокровенного сказания». Монгольский кабинет рекомендовал Н. Н. Поппе и Б. И. Панкратова для составления историко-лингвистического комментария к тому. Проектировался и III том. Война сорвала эти планы [АВПФ ИВ АН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 702, л. 68; ПФАН, ф. 886, оп. 1, ед. хр. 35, лл. 71—72; ф. 820, оп. 1, ед. хр. 655, лл. 35—41].

² Н. Н. Поппе отмечал «безукоризненный стиль перевода», хотя и говорил о ряде его неточностей и допускал возможность различных версий. В. Л. Котвич считал С. А. Козина блестящим переводчиком, новатором, обладающим «чутьем историко-литературного исследования». В. М. Алексеев дал самую высокую оценку «Сокровенному сказанию»: «Это выдающееся событие, ни один западный монголист или историк Средней Азии и Китая не сможет обойтись без знания русского языка». С. А. Козин — крупнейший историк, лингвист, сделавший двойной перевод текста, дословный и поэтический, создатель научной транскрипции, подробного глоссария. Его исследования — «большая наука». В. М. Алексеев разделял концепцию С. А. Козина о монголо-китайском письме в XIII—XIV вв. и писал о возможной письменности у киданей, чжурчжэней, тангутов, о том, что «у нас кидане-

не только против С. А. Козина, но и выразил свое несогласие с выдающимися советскими востоковедами, уважаемыми во всем мире.

Дата обсуждения «Сокровенного сказания» точно неизвестна. В. М. Алексеев закончил свой отзыв 6/V 1941 г. С. А. Козин послал ему «защитные тезисы» против Б. И. Панкратова 21/V 1941 г. Следовательно, диспут на объединенном заседании монголистов и синологов состоялся, вероятнее всего, 19—20/V 1941 г.

О самой дискуссии почти не сохранилось никаких свидетельств, кроме упоминания академика Н. И. Конрада, по словам которого, оба оппонента «выступали на равных научных основаниях» (см. стенограмму его выступления на заседании Ученого совета АН СССР 15/IV 1957 г.).

Архивные материалы (черновые и машинописные варианты рецензии, рукопись доклада «Что такое «Юань-чао би-ши» — 20/I 1958 г.) говорят, что подход Б. И. Панкратова к исследованию и тексту памятника не изменился на протяжении всей научной жизни [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, 214]¹.

Б. И. Панкратов выступил с критикой работы С. А. Козина в целом. Основное внимание он сосредоточил на ошибках в двух первых разделах введения, погрешностях в восстановленном монгольском тексте и неточностях в словаре.

Б. И. Панкратов не согласился с негативной оценкой С. А. Козиным транскрипции Палладия. Хотя эта часть выступления Б. И. Панкратова была направлена прямо против С. А. Козина, косвенно она касалась и других востоковедов. Неподобные предложения об издании труда Палладия никаких практических последствий в Институте востоковедения не имели.

Если бы труд Палладия издали, то «два поколения монголистов с помощью китаистов, — по мнению Б. И. Панкратова, — могли бы создать вполне приличную версию восстановленного текста и его перевода. Это, — считал Б. И. Панкратов, — помогло бы избежать многих ошибок и дать научную штудию более высокого качества. Теперь, когда существует печатное издание «Юань-чао би-ши», следует реконструировать текст и перевести его на русский язык прямо с оригинала, а не с рукописи Палладия» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 3 (без номера), л. 10].

Другое принципиальное замечание Б. И. Панкратова связано с недостаточным знанием С. А. Козиным истории «Юань-чао би-ши». Хотя С. А. Козин и заявлял, что посвятит данной проблеме II-й том, допущенные им ошибки и отсутствие исторического обзора снижали качество работы.

Б. И. Панкратов указал на промах оппонента, утверждавшего, что опубликованный в 1908 г. в Китае текст «Юань-чао би-ши» сделан по рукописному экземпляру юаньского периода.

Не ограничиваясь критическими замечаниями, Б. И. Панкратов дал полную картину истории памятника. Перетранскрибированный по императорскому указанию китайскими иероглифами, текст монгольского оригинала был опубликован Хо Юаньцзе и Маша Ихэ (Mašaiḥ). Фрагмент этого первого издания «Юань-чао би-ши», хранившийся в Пекинской национальной библиотеке, С. А. Козин и принял за юаньский текст. Что же касается самого монгольского первоисточника,

---

и чжурчжене- и тангутведение получают в книге С. А. Козина и метод, и идеи, и материал, позволяющий им и теперь идти к своей цели». Вместе с тем В. М. Алексеев сделал ряд замечаний: С. А. Козин недостаточно знаком с современными китайскими данными о «Юань-чао би-ши». Допущены ошибки в переводе. Есть пропуски в стихотворном тексте. Зачастую перевод далек от оригинала, слишком вольный, изобилует славянизмами, «провинциальными виршами», а иногда — курьезами. Например: «Голод десной промеж зуб унимал» (§ 254), «Кудрей твоих встречный ветер никогда не развивал» (§ 56). В. М. Алексеев считал 27 погрешностей в переводе С. А. Козина. Хотя С. А. Козин сотрудничал с К. К. Флугом, В. М. Алексеев предложил более существенные консультации с китаеведами [ПФАН, ф. 820, оп. 1, ед. хр. 665, лл. 52, 79—81, 102—106, 113], [1, 194].

¹ Материалы рецензии Б. И. Панкратова — три машинописных и один карандашный вариант — подобраны Ю. Л. Кролем. Примеры ошибочного перевода текста помещены в приложении I, а словаря — в приложении II.

то, по сообщению Хо Юаньцзе, он был написан уйгурским алфавитом. Однако Б. И. Панкратов более доверял версии «Юаньши», согласно которой первоначальная запись «Секретной истории монголов» делалась квадратным письмом [АВ, ф. 145, ед. хр. 213, конв. 3, л. 4—6]. Оба ученых не согласились друг с другом и по поводу диалекта, на котором написана «Секретная история монголов». С. А. Козин считал его близким современному монгорскому (*сму*) [8, с. 663], а Б. И. Панкратов — диалекту дагурского языка бассейна реки Нонни. Вывод Б. И. Панкратова был сделан на основании составленного им дагурского словаря.

Важное теоретическое значение имела критика Б. И. Панкратовым гипотезы С. А. Козина о монголо-китайском письме. Поддержанный В. М. Алексеевым и достаточно условно В. Л. Котвичем, С. А. Козин придерживался данной точки зрения почти всю жизнь. Позднее это предположение было отвергнуто специалистами [4]. Тогда же Б. И. Панкратов первым проанализировал причины подобного заблуждения. Его истоки следовало, по мнению Б. И. Панкратова, искать в высказываниях А. М. Позднеева, полагавшего, что, поскольку квадратное письмо появилось у монголов в 1269 г., то памятник 1240 г. мог быть написан либо уйгурским алфавитом, либо китайскими иероглифами [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 4, лл. 1—3]. Возможно, авторитет А. М. Позднеева, В. Л. Котвича¹ и в известной мере Б. Я. Владимирцова сказался на превратном истолковании С. А. Козиним высказываний Б. Лауфера и Палладия, а также на его ошибочной интерпретации эдикта Чингис-хана Чан Чуню 11/V 1223 г. [АВ, Ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 4, лл. 1—3].

К трем видам монгольского письма, упоминаемым Лауфером (уйгурское, квадратное, уйгурско-монгольское) [7, с. 20] С. А. Козин добавил четвертую разновидность — китайско-монгольское. Он увидел подтверждение своей идеи в сообщении Палладия об особом стиле китайских документов юаньского периода. Их специфический стиль, «сырой перевод» [4, с. 90] мог только укрепить ошибочное мнение С. А. Козина. Отсюда, вероятно, и его оценка упомянутого эдикта Чингис-хана, который, по выражению Б. И. Панкратова, «был написан по-китайски, дан китайцу для предъявления китайцам Северного Китая» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 3, л. 1]. Мысль о существовании монголо-китайского письма настолько овладела С. А. Козиним, что он даже назвал имя его изобретателя — потомка киданьского императорского рода, видного монгольского сановника Елюй Чучая [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 114, лл. 100, 104, 106], [2, с. 184], [4, 10].

Ни одно из своих положений С. А. Козин не мог убедительно аргументировать. Отсюда вывод Б. И. Панкратова: «Гипотеза о китайско-монгольском письме не удалась» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 3, л. 5].

Исходя из своего положения о монголо-китайском письме, С. А. Козин пришел к выводу о существовании варварского монголо-китайского жаргона, на котором была написана «Секретная история монголов». На этом же варварском языке монголы якобы сочиняли свои декреты для побежденных китайцев. Б. И. Панкратов подчеркивал, что никакого мифического, варварского жаргона не существовало [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 421, л. 84].

Другим следствием ошибочного положения о монголо-китайском письме явился и подход С. А. Козина к транскрипции памятника. Китайские знаки монгольского языка, по мнению С. А. Козина, не транскрипция, а само монголо-китайское письмо. Критикуя С. А. Козина за подобный подход к транскрипции памятника, Б. И. Панкратов выдвинул следующие требования: соблюдать единую транскрипцию, одни и те же иероглифы должны читаться одинаково, уточнить произношение иероглифов XIV в., придерживаться системы диакритики, примененной Хо Юаньцзе в «Хуа-и и-юй» и в «Юань-чао би-ши». Только «в таком случае, — писал Б. И. Панкратов, — мы будем иметь восстановленный текст, приближающийся к

¹ А. М. Позднеев и В. Л. Котвич считали, что монголы в древности, еще до Чингиса, пользовались китайским письмом [9, с. 5], [ПФА ф. 780, оп. 4, ед. хр. 4, л. 2].

оригиналу настолько, насколько вообще всякая транскрипция в состоянии передать звуки языка» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 6, л. 4].

В своем выступлении Б. И. Панкратов упрекнул С. А. Козина в том, что тот не сослался на монгольскую транскрипцию памятника, сделанную Цэндэ-гуном со специально присланного из Пекина в Ургу экземпляра «Юань-чао би-ши» с историческими и географическими комментариями Ли Вэньтяня [6, с. 235]. И действительно, С. А. Козин упоминает о пересказе Цэндэ-гуном этого текста памятника только критически (см. подробно о работе Цэндэ-гуна [12]).

В отличие от Н. Н. Поппе, считавшего, что древнемонгольские слова могут читаться иначе, чем у С. А. Козина, но относившего это к частностям [5, с. 6], Б. И. Панкратов требовал высокой точности перевода («не допускать никаких поэтических вольностей, не делать никаких художественных шалостей»). Он указал на ошибки в сорока параграфах перевода и семнадцати — словаря. С. А. Козин считал возможным в какой-то степени возразить рецензенту по четырем параграфам перевода и одному параграфу словаря. Причем неточности перевода в двух случаях (§ 43, § 64) он объясняет ссылками на академика Б. Я. Владимирцова, а также на правку текста А. М. Позднеевым (§ 28) [ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 421, лл. 85—86].

Указывая на ошибки исследования и перевода С. А. Козина, Б. И. Панкратов говорил: «Наша советская наука должна быть передовой, а наши работы должны быть такими, чтобы никто, а тем более иностранец, не мог бросить упрека нашему ученому в том, что работа, за которую он взялся, страдает неточностями, ничем не объяснимыми» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 5, лл. 3—4].

Б. И. Панкратов полагал, что одним из первых на труд С. А. Козина отзовется П. Пеллио, но П. Пеллио умер в 1946 г. Однако в принципе Б. И. Панкратов оказался прав. С детальным анализом работ С. А. Козина, Э. Хэниша и П. Пеллио выступил А. Мостарт, указавший на ошибки советского ученого [19].

Сравнивая «Сокровенное сказание» С. А. Козина с трудами Палладия и Э. Хэниша, Б. И. Панкратов считал его работу шагом назад в развитии востоковедения. В своем заключении он говорил: «Несомненной заслугой С[ергея] А[ндреевича] является то, что он дал нам первый на европейском языке полный перевод текста Ю[ань] ч[ао] м[и] ш[и], и если бы он ограничился литературным переводом и литературоведческими исследованиями, издав при этом текст за именем Палладия, никто ему ничего, кроме большого спасибо, не сказал бы. Большой ошибкой С[ергея] А[ндреевича] явилось то, что он как для перевода, так и для издания текста хотел как будто использовать оригинальный китайский текст, но на самом деле его не использовал. Поэтому я считаю, что работа ценна в своей литературной части, но в исторической и лингвистической не оправдала надежд, на нее возлагавшихся» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конв. 13, лл. 1—2].

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: на майской дискуссии 1941 г. столкнулись два различных психологических типа, две отличные друг от друга системы мышления. С одной стороны, С. А. Козин, известный монголист, мастер слова, трудолюбивый, но не имевший достаточного знания китайских источников для решения поставленной задачи, склонный к доведенному до предрассудка догматизму (монголо-китайское письмо, монголо-китайский жаргон и т. д.). С другой — блестящий полиглот, эрудит и аналитик Б. И. Панкратов, строгий, скрупулезный исследователь. Если С. А. Козин представлял источник как бы с внешней, художественной стороны, то Б. И. Панкратов видел его во всех нюансах изнутри, как и требуется в науке, что давало ему преимущество в его споре с С. А. Козиным. Он не просто изучал Восток, но знал и ошущал его — редкий дар ученого.
